

*Посвящается моему отцу,
который изо всех сил старался
не показывать самое худшее в себе.*

*Посвящается моей матери,
которая сделала все, чтобы мы не увидели
отца в самом худшем его воплощении.*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1

Я сидела на парапете, свесив ноги по обе его стороны и глядя вниз с высоты двенадцатого этажа на улицы Бостона. Я не могла не думать о самоубийстве.

Нет, не о *моем*. Я достаточно люблю собственную жизнь, чтобы у меня появилось желание ее закончить.

Я больше думала о других людях и о том, как они, в конце концов, приходят к решению положить конец собственной жизни. *Сожалеют ли они об этом в конечном итоге?* Когда они уже падают, за секунду до удара о землю, во время этого краткого свободного падения их должно настигать сожаление. Может быть, они смотрят на приближающуюся землю и думают: «*Вот дерьмо. Это была плохая идея*».

Почему-то мне так не казалось.

Я много думала о смерти. Особенно в этот день, так как незадолго до этого — всего двенадцатью часами ранее — я произнесла самую запоминающуюся надгробную речь, которую доводилось слышать жителям города Плетора, штат Мэн. Ладно, возможно, она не была

самой запоминающейся. Вполне вероятно, что ее сочли самой ужасной. Пожалуй, это зависело от того, кого спросить, мою мать или меня. *Скорее всего, моя мать не собиралась разговаривать со мной в течение целого года после этого.*

Не поймите меня неправильно. Надгробная речь, которую я произнесла, не была настолько глубокой, чтобы войти в историю, как слова Брук Шилдс на похоронах Майкла Джексона. Или как речь сестры Стива Джобса. Или брата Пэта Тиллмана. Но моя речь была запоминающейся по-своему.

Поначалу я нервничала. Ведь это были похороны великолепного Эндрю Блума. Обожаемого мэра моего родного города Плеторы, штат Мэн. Владельца самого успешного агентства по торговле недвижимостью в черте города. Мужа Дженни Блум, самой уважаемой помощницы учителя во всей Плеторе. И отца Лили Блум, странной девушки с непослушными рыжими волосами, которая однажды влюбилась в бездомного и навлекла позор на всю семью.

Это обо мне. Я Лили Блум, и Эндрю был моим отцом.

Как только я закончила произносить надгробную речь, я первым же рейсом вылетела в Бостон и поднялась на первую крышу, которую я смогла найти. *Опять-таки не потому, что я думала о самоубийстве.* Я не собиралась прыгать с этой крыши. Я всего лишь нуждалась в свежем воздухе и тишине. Черт побери, именно этого мне не хватало в моей квартире на третьем этаже, без доступа на крышу и с соседкой, которой нравилось собственное пение.

Но я не рассчитала, что наверху будет так холодно. Не то чтобы невыносимо, но некомфортно. По край-

ней мере, я видела звезды. Мертвые отцы, невыносимые соседки по квартире и сомнительные надгробные речи не кажутся такими ужасными, если ночное небо достаточно ясное, чтобы ощутить величие вселенной.

Мне нравится, когда небо заставляет меня ощутить себя незначительной.

Мне нравился этот вечер.

Что ж... Позвольте мне выразиться иначе, чтобы вы поняли, что так было до определенного момента.

Вечер мне нравился, пока не...

Пока, к моему огромному сожалению, с грохотом не распахнулась дверь. Мне оставалось только ждать, когда лестничная площадка выплюнет на крышу человека. Дверь с грохотом закрылась, раздались быстрые шаги. Я даже не удосужилась поднять глаза. Кто бы это ни был, он, скорее всего, даже не заметит меня, оседлавшую парапет слева от двери. Человек вышел на крышу в такой спешке, что определенно решит, будто он один. И в этом не было моей вины.

Я тихонько вздохнула, закрыла глаза и прислонилась затылком к оштукатуренной стене позади меня, проклиная вселенную за то, что она украла у меня этот мирный момент самоанализа. Наименьшее, что вселенная могла для меня сделать в этот вечер, это обеспечить, чтобы вошедший оказался женщиной, а не мужчиной. Если мне послали компанию, то пусть она будет женской. Я довольно крепкая и в большинстве ситуаций смогу, вероятно, постоять за себя, но мне было неприятно оказаться на крыше ночью наедине с мужчиной. Я могла испугаться и захотеть уйти, но уходить мне на самом деле не хотелось. Как я уже говорила, мне было довольно хорошо.

Наконец я позволила глазам проделать путь до силуэта, перегнувшегося через парапет. Не повезло. Это определенно был мужчина. Хотя он и перегнулся через парапет, я поняла, что он высокого роста. Широкоплечий мужчина отчаянно сжимал голову руками. Я могла только догадываться, что его спина резко вздымается и опускается в такт тяжелому дыханию, когда он втягивал воздух и с силой выталкивал его обратно.

Казалось, что он вот-вот разрыдается. Я подумала было заговорить или кашлянуть, чтобы дать ему знать, что он не один, но пока я раздумывала, мужчина развернулся и пнул одно из уличных кресел, стоявших позади него.

Я вздрогнула, когда оно со скрежетом проехало по террасе. Мужчина вел себя так, словно не подозревал о моем присутствии. Он не ограничился одним пинком. Раз за разом он колотил ногой по креслу. Вместо того чтобы развалиться под его ударами, кресло отъезжало все дальше и дальше от него.

Это кресло, должно быть, сделано из полимера для строительства.

Я однажды видела, как мой отец наехал на улице на стол из такого материала, и полимер только что не смеялся над ним. На бампере машины осталась вмятина, а на столе не было ни царапины.

Мужчина, должно быть, понял, что ему не справиться с таким высококачественным материалом, потому что он наконец перестал пинать кресло. Он встал над ним, опустив руки и сжав пальцы в кулаки. Честно говоря, я ему немного завидовала. Он просто взял и выплеснул агрессию на уличную мебель, как чемпион. У него явно выдался отвратительный день, как и у ме-

ня, но, если я сдерживаю агрессию, пока она не проявится в пассивно-агрессивной форме, этот парень реально дал ей выход.

Моим выходом из стресса было садоводство. Я просто выходила на задний двор и вырывала все сорняки, которые только могла обнаружить. Но после того как два года назад я переехала в Бостон, у меня больше не было заднего двора. Или патио. У меня даже сорняков не было.

Возможно, мне стоило вложиться в кресло для патио из полимера для судостроения.

Я еще немного посмотрела на парня, гадая, собирается ли он что-то предпринять. Но он просто стоял, уставившись на кресло. Его кулаки разжались. Руки уперлись в бедра, и я впервые заметила, что рубашка явно маловата ему в бицепсах. Во всем остальном она сидела нормально, но руки у него были очень мощными. Парень принялся рыться в карманах, нашел то, что искал, и — я уверена, в попытке справиться с оставшейся агрессией — закурил косяк.

Мне двадцать три года, я училась в колледже и пару раз точно так же выпускала пар с помощью косячка. Я не собиралась судить этого парня за желание покурить траву в одиночестве. Вот только он не был в одиночестве. Он просто пока еще об этом не знал.

Он сделал длинную затяжку и начал было поворачиваться обратно к парапету. Выпуская дым, он заметил меня. Как только наши глаза встретились, он остановился. При виде меня на его лице не появилось ни шока, ни удивления. Между нами было футов десять, но звезды светили достаточно ярко, и я могла видеть его взгляд, медленно двигавшийся по моему телу, не выдавая ни единой мысли. Этот парень умел держать лицо.

Его глаза сузились, губы крепко сжались. Этакий мужской вариант Моны Лизы.

— Как тебя зовут? — спросил он.

Его голос я ощутила где-то глубоко в животе. Это было плохо. Голосам следует останавливаться в ушах, но иногда — очень редко, честно говоря, — голос проникает дальше и отдается во всем моем теле. У него оказался один из таких голосов. Глубокий, уверенный, немного похожий на сливочное масло.

Я не ответила, и он снова затянулся.

— Лили, — наконец произнесла я и возненавидела собственный голос. Он прозвучал слишком тихо, чтобы незнакомец его услышал, не говоря уже о том, чтобы зазвучать у него в животе.

Парень чуть приподнял голову и слегка качнул ею в мою сторону.

— Не могла бы ты слезть оттуда, Лили? Пожалуйста.

Только после этих слов я заметила его позу. Он стоял очень прямо, почти застыл. Как будто он испугался, что я вот-вот упаду. *Ничего подобного.* Парапет был по крайней мере в фут шириной, да и сидела я ближе к внутреннему краю. Я бы успела уцепиться, да и ветер дул не со стороны крыши, а со стороны улицы.

Я посмотрела вниз на свои ноги, потом снова взглянула на него.

— Нет, спасибо. Мне здесь неплохо.

Он чуть повернулся, как будто не мог смотреть прямо на меня.

— Пожалуйста, слезай. — Это было уже больше похоже на приказ, несмотря на слово «пожалуйста». — Здесь семь свободных кресел.

— Уже почти шесть, — поправила я его, напоминая, что он только что едва не раздолбил одно из них. Мой

ответ его не рассмешил. В ответ на мое неподчинение он подошел на пару шагов ближе.

— Ты всего в трех дюймах от того, чтобы упасть и разбиться насмерть. Хватит с меня такого на сегодня. — Он жестом снова пригласил меня слезть. — Ты заставляешь меня нервничать. И к тому же ломаешь мне кайф.

Я округлила глаза и перекинула левую ногу через парапет.

— Нельзя впустую потратить косячок. — Я спрыгнула и вытерла руки о джинсы. — Так лучше? — поинтересовалась я, направляясь к нему.

Он с шумом выдохнул, как будто он на самом деле затаил дыхание, видя меня на парапете. Я прошла мимо него, направляясь к той части крыши, откуда открывался лучший вид. По дороге я не смогла не заметить, насколько он симпатичный. К несчастью.

Нет. Прилагательное «симпатичный» было оскорблением.

Парень был *красив*. Ухоженный, дорого пахнувший, на вид старше меня на несколько лет. Он прищурился, следя за мной, а его губы как будто сжались, хотя это было не так. Когда я дошла до той части крыши, откуда открывался вид на улицу, я оперлась на парапет и стала смотреть на машины внизу, стараясь делать вид, что он не произвел на меня впечатления. По одной только его стрижке я могла сказать, что он из тех, кто производит сильное впечатление на людей, а я не желала тешить его «я». Хотя он ничего такого не сделал, чтобы я могла подумать, будто он этого от меня ждет. Но на нем была повседневная рубашка от Burberry, а я точно знала, что ни разу не удостоилась внимания никого, кому она была бы по карману.

Я услышала шаги у себя за спиной, и через секунду он оперся о парапет рядом со мной. Уголком глаза я наблюдала, как он затягивается травкой еще раз. Потом он предложил косячок мне, но я жестом отказалась. Мне только не хватало оказаться под действием травы в присутствии этого парня. Его голос уже сам по себе был наркотиком. Мне захотелось снова его услышать, поэтому я задала ему вопрос:

— Так чем тебя настолько разозлило это кресло?

Он посмотрел на меня. Типа *по-настоящему* посмотрел на меня. Наши глаза встретились, и он просто смотрел на меня тяжелым взглядом, как будто все мои секреты были написаны у меня на лице. Никогда я не видела таких темных глаз, как у него. Может быть, и видела, но они казались еще темнее из-за того, что принадлежали такому наводящему страх мужчине. Он не ответил на мой вопрос, но мое любопытство требовало удовлетворения. Раз уж он заставил меня спуститься с уютного и комфортного парапета, то пусть и развлекает меня ответами на мои вопросы.

— Это из-за женщины? — поинтересовалась я. — Она разбила тебе сердце?

Он легко хохотнул, услышав этот вопрос.

— Если бы только мои проблемы были такими тривиальными, как разбитое сердце. — Он повернулся так, чтобы смотреть меня. — На каком этаже ты живешь? — Облизав пальцы, он сжал кончик косяка, загасил его и убрал в карман. — Я тебя никогда раньше не видел.

— Это потому, что я здесь не живу. — Я вытянула руку в сторону моего дома. — Видишь вон то здание страховой компании?

Он прищурился, вглядываясь в даль.

— Ага.

— Я живу в доме рядом. Он слишком маленький, поэтому его отсюда не видно. В нем всего три этажа.

Он снова повернулся ко мне, опершись локтем о парапет.

— Если ты живешь там, то почему ты здесь? Твой бойфренд здесь живет или кто-то еще?

Его комментарий почему-то заставил меня почувствовать себя дешевкой. Это было слишком легко, этаким любительский съем. По виду парня было ясно, что он способен на большее. Мне пришло в голову, что более искусные приемы пикапа он использует с женщинами, которых сочтет достойными этого.

— У вас тут красивая крыша, — оценила я.

Он поднял бровь, ожидая от меня более подробных объяснений.

— Мне захотелось свежего воздуха. Нужно было найти место, чтобы подумать. Я заглянула в Google Earth и нашла ближайшее жилое здание с достойным патио на крыше.

Парень посмотрел на меня с улыбкой.

— По крайней мере, ты экономна. Это хорошее качество.

По крайней мере?

Я кивнула, потому что действительно была экономной. И это действительно хорошее качество.

— Почему тебе потребовался свежий воздух? — спросил он.

Потому что сегодня я похоронила отца и произнесла эпически катастрофическую надгробную речь, и у меня появилось такое чувство, будто я не могла дышать.

Я посмотрела перед собой и медленно выдохнула.

— Мы могли бы просто помолчать немного?